

к 20.820 v

ИЗВЕСТИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

Том 82,

1950

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ПО КОЛХОЗАМ ДЖУГДЫРСКИХ ЭВЕНКОВ¹

Эвенки, расселенные по отрогам Джугдыра (Яблонового и Станового хребтов) от истоков Алдана и Гилюя (приток р. Зея) — на западе и до Охотского моря — на востоке, специально никогда не изучались. Единственные материалы, которые мы имели до сих пор, — это попутные записи известного путешественника прошлого века акад. А. Ф. Миддендорфа, который из Якутска через Алдан вышел к Охотскому морю (р. Уд) и отсюда по южным отрогам прошел к Гилюю и дальше на Амур в районе Стрелки.

В исследовании материалов языка, фольклора и этнографии по проблеме этногенеза тунгусов, поставленной в Институте этнографии, недоставало материалов от восточных групп эвенкийского населения.

Для восполнения этого недостатка была организована экспедиция. В 1947 г. в организации ее принял участие и Институт языка, литературы и истории Якутской АССР.

Ввиду отсутствия достаточно полных сведений даже в Якутске, маршрут экспедиции был окончательно выработан на месте. Было намечено побывать во всех эвенкийских колхозах Тимптонского и Учурского районов Якутии, Джелтулакского и Зейско-Учурского районов б. Читинской, ныне Амурской области и в некоторых колхозах Чумиканского и Аянского районов Нижне-Амурской области (колхозы, расположенные на западных отрогах Джугдыра и экономически связанные с Якутском). Изучение эвенков, живущих на юго-восточных отрогах Джугдыра, возможно было лишь путем заезда с юга, со стороны Амурского моря, поэтому эта группа не вошла в маршрут 1947 г.

В 1947 г. работа была проведена в колхозах четырех районов: Тимптонского, Учурского, Джелтулакского и Зейско-Учурского. Исключая передвижение на машинах, по тайге было пройдено свыше 1500 км верхом и выючно на оленях и около 1000 км на нарте (также верхом). В конце декабря экспедиция была временно прервана, и в январе 1948 г. я вылетела в Москву.

Продолжение экспедиции последовало только летом 1948 г. Перелетев из Ленинграда через Хабаровск на Урми, я занялась изучением группы эвенков, расселенных к юго-востоку от Джугдыра, по верховьям рек Урми, Амгуни и притоков Буреи в Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах Хабаровского края.

¹ Доложено на заседании Отделения этнографии 29 декабря 1948 г. Специальная статья «Колхозы джугдырских эвенков» подготовлена к печати в издании Института этнографии АН СССР.

4*

ЯКУТСКАЯ
Республиканская
ГИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. П.

А. А. Р.

Г. М. Василевич

В первых числах апреля 1947 г. я и сотрудница Якутского института А. Новгородова выехали из Якутска, куда я прилетела из Москвы на самолете. Нам предстояло проехать до Чульмана — центра Тимптонского района — около 700 км.

Тимптонский район протянулся полосой с запада на восток вдоль южной границы Якутии. Туземное население — эвенки, до советизации называвшиеся ороचनाми, и незначительное количество якутов сосредоточено в четырех охотничье-оленоводческих колхозах, находящихся на расстоянии от 2 до 800 км от Чульмана.

Остановившись в Чульмане, мы провели работу в чульманском колхозе «Новая жизнь», объединяющем 44 хозяйства (из них 38 эвенкийских) и находящемся на расстоянии 2 км от поселка. Собрав материалы, 8 мая мы выехали на машине на юг до поселка Тында — районного центра Джелтулакского района.

Поселок Тында возник в половине тридцатых годов, когда из поселка Джелтулак был перенесен районный центр. Сейчас он разросся: в нем значительное количество улиц, много двухэтажных домов, дом культуры, школа и ряд учреждений.

В Джелтулакском районе два эвенкийских колхоза: один — «1 мая», в 12 км от центра, расположен на р. Тында в нескольких километрах от Гилюя. В этом колхозе 34 хозяйства, из них 29 эвенкийских. Второй — «им. Сталина» — находится в 60 км от ст. Уруша, в местечке Амуткачи, в нем 28 хозяйств (из них 14 эвенкийских). Мы направились в колхоз «1 мая». Проведя здесь свою работу, в первых числах июня мы вернулись обратно на север и остановились во втором колхозе Тимптонского района «Токарикан», находящемся в 40 км от районного центра. Здесь только начиналась весна, и до летней дороги по тайге мы работали в этом колхозе, выходя и выезжая на небольшие расстояния к местам легких работ колхозников и на оленеводческую ферму. Этот колхоз объединяет 45 хозяйств (из них 31 эвенкийское, остальные якутские).

Отсюда мы должны были двинуться на восток. Колхоз выделил нам караван оленей и в проводники дал опытного охотника старика Михаила Терентьевича Леханова. 28 июня мой караван в 15 оленей, с большим числом попутчиков, двинулся в путь. Предстояло проехать 350 км до Сутамского колхоза. Выйдя с системы Тимптона и перевалив через хребет, мы вошли в систему Учюра — долину р. Токарикан, впадающей в Гонам, левый приток Учюра. Чтобы не утруждать оленей перевалами, проводник решил пройти по зимней дороге, в долине Токарикана. Хребты раздвинулись, образовав широкое открытое пространство, представляющее собою бесконечную цепь озер в самых разнообразных стадиях зарастания как по поверхности, так и со дна. Местами это были зыбуны, и проводник выбирал бровки, по которым осторожно шли друг за другом олени. Пешком по такому болоту было бы мучительно пробираться. Ноги уходили в водянистые мхи и в травянистое болото выше колена. С востока на запад красное сфагновое болото прорезала белая широкая полоса. Это следы наезженного зимника. Здесь снег за зиму утаптывался, после таяния образовались кочки, на которых густо выросла болотная трава — пушица. Местами это болото пересекалось грядами осколков известняка, покрытыми лесом, и олени по ним проходили быстрее. Местами мы объезжали озера.

На третий день к вечеру мы доехали до старого поселка колхоза, построенного на островке среди цепи озер р. Токарикан. Из-за неудобства сообщения поселок был оставлен более 10 лет назад, и на крышах разваливающихся домов выросли лиственницы в человеческий рост. Один из домов поддерживался. В нем постоянно жила бригада рыбаков.

Неподалеку были колхозные покосы. Тут же паслось небольшое стадо оленей прудснаба.

Мы провели здесь сутки и двинулись дальше.

5 июля к вечеру показались пашни сутаамского колхоза и за лесочком, среди деревьев — чумы, покрытые тисками¹ из розовой бересты. Дальше виднелся просвет. Это большая очищенная от леса площадь для поселка, но она была не застроена, так как строительство было приостановлено во время войны. Только по краю этой площади, вдоль притока Сутама — Джелинде, выстроился длинный ряд домиков, соединенных между собою деревянной мостовой. Пять домиков были обжитыми и выглядели чистенькими и нарядными. Остальные были не закончены. Вокруг очищенной площади разместились чумы и корьевые летние жилища. Колхоз им. Молотова по количеству хозяйств самый большой — 48 эвенкийских хозяйств. Летом половина колхозников была занята работами при колхозе. Подъезжая, мы слышали крики и разговоры, раздававшиеся с противоположного берега. Это комсомольцы на воскреснике валили и сплавливали лес для школьной бани. И здесь нас встретили радушно, оленей быстро увели, а нам отвели временно пустовавший домик. Старик Леханов вечером с гордостью заявил: «Я сказал в колхозе, что привезу на восьмой день, привез на седьмой — я стахановец». Действительно, в такое время караван без смены оленей проходит этот путь обычно в десять дней.

В этом колхозе мы должны были разъехаться, мой маршрут продолжался на восток, а Новгородова должна была выйти на Алдан и побывать в сельскохозяйственных колхозах по Алдану, где эвенки, утеряв свой язык, говорили по-якутски.

1 августа я с проводником выехала на восток. По пути заехали на оленеводческую ферму. Выбравшись на приток Сутама — р. Гидат, мы по ее притокам поднялись до водораздела — буквально, влезли на вершину его и стали спускаться на истоки другого притока Сутама — Утугей. Выюки сползали, то и дело приходилось останавливаться и поправлять. Около водораздела нас застал ливень, длившийся трое суток. Узкая долина, в которой мы сделали вынужденную остановку, была местообитанием медведей. Во всех направлениях виднелись их следы. На наше счастье медведи не тронули ни оленей, ни нас.

Перейдя на правый берег р. Сутама, мы пошли вдоль р. Нуяма, левый берег которого представлял собою высокую гряду скал, острым гребнем уходящих ввысь. Перевал на систему Алгомы был пологим. Такие седловины в перевалах эвенки обычно называют «икэн», «икэчэн», «икэн-гнэ». Здесь уже не встречались палы, частые по пути от токаринского к сутаамскому колхозу. Густые и высокие ягельники покрывали склоны гор.

14 августа мы прибыли в алгоминский колхоз «Примерный ударник». Поселок расположился на холме, с которого открывался во все стороны вид на окружающие хребты. Состоял поселок из домика фактории со складом и единственной колхозной постройкой — зимовья, в котором помещалось правление и жила семья председателя. Колхоз этот не успел до войны начать стройку поселка, и все колхозники жили в палатках. К стройке поселка на устье Гелтамды приступили летом 1949 г. Летом и осенью вся жизнь проходит на воздухе, а в палатках только спят. Алгоминский колхоз самый маленький из посещенных нами в 1947 г. — в нем было всего 28 эвенкийских хозяйств.

¹ Тиска — полоса, сшитая из выделанных берест, снятых с трех деревьев.

Из этого колхоза мне предстояло сделать выезд на систему Зеи и в колхозы Зейско-Учурского района.

Эвенки знали, что стадо тогского колхоза «Ударник» пасется на Джугдыре. Вести меня взялся охотник Федор Колесов. Выделили лучших оленей, и 15 сентября, взяв только необходимое на месяц, мы к вечеру выбрались в путь. Через два дня мы приехали на стоянку оленеводческой бригады, которая состояла из двух семейств. Сюда же перекочевала семья моего проводника. Пробыв на ферме двое суток, мы двинулись дальше. Вышли к Алгоме у устья р. Артек, в том месте, где она протекала в высоком ущелье. Выбравшись с системы Алгомы и вскарабкавшись на Джугдыр, мы в течение двух дней встречали оленей тогского колхоза. Джугдыр в районе верховьев р. Алгома и р. Тог и на восток до оз. Токо представляет собою высокогорную тундру с перерезающими ее грядками невысоких гор. На этой «киланде» протекают небольшие речки, спускающиеся как в систему Зеи, так и в систему Алгомы, притока Учура. Наконец мы нашли покинутую стоянку пастухов и по следам оленей доехали до второй стоянки, оставленной пастухами дня два назад. 24 сентября мы встретили людей. Любопытно одно явление. На «киланде» жило много воронов «оли».¹ Разыскивая пастухов и колеся по тундре, мы внимательно вглядывались, надеясь увидеть дымок, и чутко вслушивались во все звуки. Несколько раз нам слышались разговоры, крики и пение людей. «Там, вероятно». Мы оставались и вслушивались еще внимательнее. «Нет, это ворон». Крики этих воронов действительно издали похожи то на разговоры, то на пение людей, а когда пролетают над головой, то издаваемые ими звуки похожи на игру варгана «пургипкавун» конгипкавун». Не эта ли способность производить различные человекоподобные звуки и послужила причиной того, что ворон у предков северо-восточных палеоазиатов, американских эскимосов и некоторых индейцев был возведен в божество?

В пути со второй стоянки пастухов мы уже услышали настоящие человеческие крики и хorkание множества оленей. Был период спаривания оленей. Пастухи и мальчики отгоняли самцов от молодняка, перегоняли оленей, с криками гоняясь среди табуна. Все очень обрадовались гостям с севера. Сразу же нас угостили мясом и молоком в разных видах. Весь вечер прошел в разговорах. Полуторатысячное стадо паслось в одном месте на самом Джугдыре, и следила за ним бригада из двух семейств. Пастухи жили хорошо: молоко, мясо и рыба у них были в достаточном количестве, а хлеб и другие продукты, а вместе с ними почту и газеты каждую неделю привозил связной (сам колхоз находится на расстоянии 250 км). Все пастухи были грамотны, а один до демобилизации был в авиационных частях механиком.

Продневав два дня, мы вместе со связным направились в колхоз.

Колхозный поселок расположился на р. Тог у ручейка Покровский, от которого он и получил название. Своим видом он напоминал настоящую деревню с множеством хозяйственных построек как общественных, так и частных. Улица спускалась к р. Тог. Все дома были освоены, у многих колхозников были свои коровы, у всех свои огороды. В колхозе было 24 коровы и 9 лошадей и под посевами и картофельными огородами было около 60 га. В отличие от других колхозов, в этом председатель работал со дня основания, и строительство по плану не прекращалось в течение всей войны. Председатель только жаловался,

¹ «Оли», «олэ» «воли» — название ворона, встречающее не только в языках тунгусских народностей, но и в языках северо-восточных палеоазиатов, американских эскимосов и некоторых индейцев, у которых ворон — существо, создавшее мир и человека.

что у него в колхозе нехватает рабочих рук. Всего колхоз объединял 37 эвенкийских хозяйств. Колхозники с гордостью показывали мне школу, которую оборудовали сами в одном из домиков. В этом году в школе учились все дети, да и учительницы были свои же колхозницы, с увлечением ведущие работу. Тут же я познакомилась с колхозниками второго эвенкийского ираканского колхоза «Светлый луч», расположенного на одном из верхних притоков Зеи. Он несколько меньше колхоза «Ударник», но во всем похож на последний. Кроме этих эвенкийских колхозов в Зейско-Учурском районе эвенки входили в состав трех смешанных сельскохозяйственно-охотничьих колхозов. Эти колхозы были организованы русскими еще в 20-х годах.

Чтобы не попасть в снежные заносы на Джугдыре, мы должны были спешить обратно и 3 октября двинулись уже по знакомой дороге. Реки обмелели, мелкие речушки замерзли, и земля не оттаивала и днем, поэтому олени шли быстро. 7 октября мы подъезжали к стоянке пастухов, все кругом было покрыто первым снегом. Продневав два дня на ферме, двинулись дальше. На Джугдыре поднялся снежный буран «бурга». Два дня мы ехали в этой выюге. Спустившись к Алгоме, мы увидели широкие полосы льда у берегов. Олени скользили, падали, проваливались в воду и с трудом грудью пробивали путь к середине реки. Трудно пришлось проводнику и в местах, покрытых кедровым стланником. От снега и морозов стволы его пригнулись к земле. Стланник был настолько густой, что пролезть сквозь него можно было только человеку, для оленей же дорогу пришлось прорубать. В таких местах мы проходили не более километра в час. Выбравшись из стланника и перейдя через реки, мы пошли быстрее и в день проходили путь, на который в сентябре тратилось два дня. Последняя ночевка была в обстановке зимы: кругом лежал снег выше колена, стоял небольшой мороз.

Наш приезд поджидали. И несмотря на то, что мы устали, алгоминские колхозники заставили нас подробно доложить о поездке и особо о жизни и организации работ тогского колхоза. Все мелочи их интересовали и все обсуждалось подробно и весьма горячо. В колхозе шла подготовка к зимнему сезону. На собрании выделялись бригады, намечались участки, заключались договоры и давались сообразительства. Все, кто умел бить мелкого зверя, были посланы на охоту. Через три дня шумная площадка, где стояли палатки, опустела. Охотники разошлись на расстояние 50—200 км. При стаде был оставлен минимум народа. А небольшая группа женщин и семья председателя готовили упряжь для зимних грузоперевосков.

Снег в этом году в районе алгоминского колхоза выпал только 10 ноября, в то время как в сугамском колхозе уже в конце октября ездили на нартах.

Я договорилась с колхозом о поездке в учурский колхоз.

13 ноября вместе с председателем, который выполнял роль связного и вез охотникам продукты и охотничьи припасы, мы выехали по Гелтамде и вниз по Алгоме.

На третий день мы прибыли в условленное место, куда должны были выйти бригады с пушшиной. За один день бригады сдали пушнину и, получив подкрепление, вновь разъехались по бригадам. На следующий день председатель отправился обратно, а мы двинулись ниже.

Двигаясь напрямик, мы прошли через горы в два дня. В последний из этих дней спускались по ущелью речки Кунгкуй, в которую впадает много соляных источников. Наледи местами разъели речной лед, и копылья нарт уходили целиком в воду. После р. Кунгкуй Алгома, расширяясь, все время течет по ущельям и вдоль хребтов. Всю дорогу

стояла ясная морозная погода. В устье Алгома сливается с Гонамом, образуя широкое открытое пространство, весной превращающееся в огромное озеро. После широкой Алгомы Учур, сдавленный в этом месте хребтами, показался небольшой речкой.

К концу 13-го дня пути мы приехали в учурский колхоз им. Чкалова. Маленький поселок, хотя в колхозе 45 эвенкийских хозяйств. Вся масса населения — в тайге на охоте, в поселке же проживают только служащие медицинского пункта, школы и сельского совета, да кое-кто из правления. Приятное впечатление производил дом-интернат. Заведующая, она же повариха, окончившая 5 классов, заменяла ребятам мать. Покормив их, она то показывала, как выполнить задание, то заводила игру, то заставляла петь, то рассказывала сама. Ребята все свободное время проводили в интернате, и, действительно, относились к ней, как к матери.

Собрав материалы, я отправилась в половине декабря на устье Учур в Чагду, центр Учурского района, чтобы через Алдан съездить в Аимский и Маймаканский колхозы Аянского района.

Если путь по Алгоме шел, как по паркету, то Учур почти весь был покрыт нагромождениями льда, и только в «трубах» — узких ущельях, где почти всегда господствуют сильные ветры, — был настоящий коток, и наш обоз несло по нему в обратную сторону. Переезжая с одного берега на другой, мы с трудом одолевали силу ветра. Мы заезжали к охотникам, к бригаде, чинившей нарты, и останавливались в палатках — станках почтовозов. Везде интересовались поездкой, моими задачами и особенно жизнью других колхозов. Ближе к Алдану эвенки уже говорили по-якутски. И тем, кто не понимал по-эвенкийски, беседовавшие тут же передавали на якутском языке наш разговор.

Второй эвенкийский колхоз на Алдане был сельскохозяйственным, а эвенки, жившие в нем, уже давно утратили свой язык и жили по-якутски. Якутизация эвенков Алдана в районе Учур и выше, включая Томмот, произошла в течение 20—25 лет.

В конце декабря экспедиция временно была прервана, и я в январе доехала до Якутска, откуда вылетела в Москву и Ленинград.

Возобновилась экспедиция летом 1948 г. Я решила проехать к урмийским и верхне-буреинским эвенкам и через Амгунь пройти по тайге на оленях в Чумиканский район.

На пятый день я была на Урми в Кукане, бывшем эвенкийском поселке, ныне центре леспромхоза.

Из Кукана отправилась вместе с грузом на батах — долбленых лодках — вверх по порожиистой Урми в талаканский колхоз «Эвенки».

Колхоз «Эвенки», собственно охотничья промысловая артель, объединяет 25 эвенкийских хозяйств. Расположился он на большой открытой площади на берегу Урми у устья р. Талакан, от которой и получил название. Прежде здесь бывала ярмарка. И вокруг старых домиков эвенки сами построили свои дома — небольшие срубы с двускатными крышами. Дома разбросаны в беспорядке. Вокруг каждого дома — огороженный приусадебный участок. На участке обязателен картофель, у многих кукуруза и табак, у некоторых другие культуры. Между огородами проходы.

Сделав записи, я вернулась в Кукан, где еще немного поработала с эвенками, и направилась в Хабаровск, чтобы окружной дорогой добраться до амгунского колхоза. По железной дороге я доехала до ст. Архара, затем вернулась на ст. Известковая, откуда и доехала до Усть-Ургала Верхне-Буреинского района и дальше до Амгуни. В этом районе находятся один эвенкийский колхоз «Негу Геван» на Амгуни и

два якутско-эвенкийских колхоза на р. Ниман (Ниманчик и Усть-Ниман), где преобладают якутское население и якутский язык.

Колхоз «Негу Геван» тоже небольшой — в нем 28 хозяйств. Расположился он на большой открытой площади, окруженной хребтами, около р. Амгунь, недалеко от впадения в нее р. Солокит.

Собрав нужные материалы как от амгунских, так и от ниманских колхозников, бывших в это время здесь, я в конце октября выехала в Хабаровск, откуда перелетела в Москву. Изучение группы эвенков Чумиканского и Аянского районов было отложено, так как для поездки по колхозам этих районов требовалось не менее года времени с заездом с Охотского моря.

Эвенкийское население районов, посещенных мною в 1947 г., до советизации называлось орочами (оленными); группы, посещенные в 1948 г., назывались эвенками. По сведениям, полученным путешественниками прошлого века, на Гилую и по Зее выше Гилоя жила тунгусо-язычная группа лошадных манегров, по Бурее и ее притокам жило тунгусо-язычное племя бираров, по Урми жили тунгусы-кили, по Амгуни — негидальцы. Но, к сожалению, нет записей по языку бираров и манегров, если не считать небольшого списка манегрских слов, записанных Герстфельдом и Мааком.

Топонимика, собранная мною во всех деталях, говорит о том, что большие реки из системы Учюра когда-то были заселены не тунгусо-язычными племенами, все же мелкие реки носят эвенкийские названия. Притоки Зеи, Буреи и Урми носят эвенкийские названия.

Старики, родившиеся на притоках Буреи, с бирарами не встречались. На системе Буреи, в верховьях Амгуни и на Урме в зоне горной тайги эвенки живут давно. Современные помнят 4—5 поколений, и все они здесь родились и жили. Небольшие группы пришли на Амгунь из Чумиканского района (Эдян).

Эвенки Тимптонского и Желтулакского районов по своему происхождению являются сородичами эвенков, кочующих по правым притокам Амура на территории Маньчжурии (роды: Буллэ ~ Булдэ, Буягир, Хабгингур, Сологон, Кангагир, Кэлтэгир, Монго), сородичи некоторых из них живут севернее, включая территорию верхней части бассейна Алдана. На востоке по системе Учюра преобладают потомки племени Бута, среди которых живут и потомки ааданских и амгинских эвенков Бэтум и Лонгорки. По Селемдже, Бурее, Амгуни и Урми, при преобладании потомков рода чумиканских эвенков Эдян, имеются и потомки Бута и Бэтум. Если западные группы в течение последних веков имели связи с лошадными манеграми и даурами, а еще раньше — с монголами, то восточные имели связи с нижеамурскими народами: негидальцами, нанаями и удэ. Все, кроме того, имели длительные связи с якутами.

Эти межплеменные взаимодействия отразились как на формировании культурного комплекса, так и на говорах этих групп.¹

Чульманско-гилюйско-зейская группа, длительное время имевшая исторические связи со скотоводческими племенами и называвшаяся орочами, пользовалась оленем так же, как скотовод конем. Даже на короткие расстояния, не говоря об охоте, ездили верхом. Верховое седло

¹ Характеристика культурно-лингвистического комплекса этих групп и происхождения их даны мною в статьях: «Эвенкийская экспедиция» (Краткие сообщения Института этнографии, V, Москва, 1948), «Экспедиция к амурским эвенкам» (печатается в Кратких сообщениях Института этнографии) и частично в статье «К вопросу о киданях и эвенках» (Советская этнография, в. 1, 1949). Описание говоров дано в моей книге «Очерки диалектов эвенкийского языка» (Ленинград, 1948).

их напоминает конское. Олени стада у них были большими и перекочевки определялись выпасом оленей.

Буреинско-амгунско-урмийская группа, имевшая древние исторические связи с племенами Алтае-Саянского нагорья, и примыкающая к ним учурская группа пользовались оленем только для перевоза грузов и редко для мяса, когда не было мяса диких животных. Не только мужчины, но и женщины редко ездили верхом. Ходили и охотились обычно пешком. Оленей они держали мало, так что для перевозки грузов иногда нехватало, и остатки грузов перетаскивали волоком на шкуре «киривун». Оленье верховье седло они заимствовали от оленных соседей. Перекочевки их определялись охотой.

Оленья нарта у обеих групп не исконное явление. Она заимствована, повидимому, от аборигенов, у которых служила охотничьей, позже — собачьей нартой. Сам способ езды — верхом на нарте — перенесен с езды верхом на олене: посадка на вещах, привязанных к нарте, ничем не отличается от посадки на олене.

Все эвенки прежде всего охотники и жители горных мест. Если оленные до коллективизации бродили со своими стадами по диким отрогам Джугдыра, то малооленные эвенки с небольшим количеством оленей, спускаясь по притокам Амура и выходя в низменную долину Амура, где условия не благоприятствовали размножению оленей, постепенно становились безоленными. Попав в окружение народностей, занимающихся сельским хозяйством и рыболовством, они меняли свой образ жизни, и в начале XX в. на притоках Амура, Бире, притоках Буреи и Урми появились первые эвенкийские поселки (Котон, Нгоку, Тьрми, Чекунда, Кукан). Эвенки строили дома, заводили коров и лошадей и разводили огороды, не оставляя своей излюбленной охоты.

Эвенки Якутии в конце 20-х годов были организованы в маленькие первичные охотничьи промысловые артели. В начале 30-х годов артели по три, четыре были объединены в охотничье-оленоводческие колхозы. В конце 30-х годов было намечено оседание и расширение хозяйственной деятельности. Комиссии земельных отделов подыскали места, и началось строительство поселков: чульманский колхоз строился на р. Хатами, токариканский на р. Токарикан. Перед Великой Отечественной войной поселки этих колхозов были перенесены на новые места. Сутамский и алгоминский колхозы были далеко от районного центра и не успели начать строительство в первые годы.

Сутамский колхозный поселок создавался в годы перед войной. Место для поселка было выбрано удачно, собственно это был старый центр одной из артелей. Из-за дальности расстояния вместо бригады русских строителей туда послали одного русского в качестве прораба. Т. Квашнин оказался весьма энергичным и умелым человеком, он собрал эвенков и научил группы их строить дома, делать двери, рамы, кирпичи, складывать печи. Таким образом, в этом колхозе стройка поселка была произведена самими эвенками. Но война остановила ее. В армию ушла часть трудоспособного мужского населения. Оставшееся население во время войны справлялось с выполнением плана по охоте и грузоперевоскам. После войны стройка продолжалась. И действительно, этот колхоз производил весьма хорошее впечатление своей хозяйственностью и организованностью. Постройки были сделаны основательно: зимою в них тепло и стены не промерзают. Хозяйственные постройки солидные: нарты сложены в сарае, где оставлено место для бригады починщиков. Мастерская по заготовке новых нарт поставлена основательно и широко: бригада изготавливает сотни нарт, да еще таких, «чтобы они в течение зимы не ломались на торосах». Не менее основательны и две кирпичные

мастерские и другие постройки. Этот стиль жизни распространяется и на все частное. Корьевые жилища на дровозаготовках и чумы работников бригад поставлены основательно, земля внутри покрыта толстым слоем хвойных веток, которые еженедельно освежаются. Большая светлая и просторная баня из трех комнат отапливается каждую субботу и ею пользуются колхозники. Восстановлено и парниковое хозяйство. И все колхозники мечтают о будущем поселке и домах. Во время нашего пребывания большая часть колхозников работала в районе поселка, и днем нельзя было найти человека не на работе. Все посещали собрания и активно участвовали в обсуждении всех вопросов. На второй же день ко мне обратились с просьбой прочитать лекцию и помочь сделать стенную газету. На мои беседы приходили и старые и малые, клуб наполнялся. Заметки для газеты давали все. Среди колхозников нашелся один — Исаков, сочинявший песни и стихи и усиленно просивший меня «напечатать их в книге». Были среди колхозников и охотники стахановцы, занесенные на республиканскую доску почета.

Алгоминский колхоз, как мы видели, из-за дальности (более 800 км) не успел начать строить поселок. Он в целом представлял собою одну большую дружную родственную семью, ведущую происхождение от Буга.

Колхозы Учурского района организовывались так же, как и в Тимптонском районе, поскольку общее руководство б. Алданского округа было одним и тем же.

В Джелтулакском районе начало колхозного строительства было положено вслед за советизацией. На общем собрании эвенков была выделена бригада комсомольцев, на обязанности которой было найти место для поселка и начать стройку. Эвенки нашли неплохое место. Выбрав его, бригада сразу же принялась за стройку. Временно поселившись в землянках, рубили лес (на месте поселка был строевой сосновый бор). Первые дома были пяти- и четырехквартирные. В них и поселились первые колхозники. Затем построили школу, магазин и медицинский пункт; школа в 1940 г. была семиклассной. Позже были построены хозяйственные постройки. Около них построились русские члены колхоза. В 1941 г. началась стройка типовых индивидуальных домов. Дома были освоены сразу. Внутри дома молодежь постаралась устроить «так же, как у русских». Отделили комнаты от кухни. Завели мебель, а некоторые и вышитые шторы, портеры и коврики на стене у кровати. Во многих домах — этажерки с книгами и обязательно фотографии в рамках и портреты вождей на стенах. Сельское хозяйство стало расширяться, и основные работы разделились: охота и оленеводство легли на эвенков, уход за скотом и пахля — на русских, остальные работы выполнялись всеми. Колхоз был соединен с районом телефоном и было устроено радио. До войны колхоз жил полной жизнью, работали клуб и читальня. Семилетку кончала вся учившаяся молодежь. В клубе на родном и русском языках ставили пьесы. Спортивная группа выезжала в города (Сковородино, Благовещенск, Хабаровск) на олимпиады и брала первые места по некоторым видам спорта и самодеятельности. Молодежь, прошедшая войну, вернулась с рядом правительственных наград. Развитие колхоза, несколько приостановленное во время войны, с 1946 г. возобновилось.

В Зейско-Учурском районе начало коллективизации среди эвенков проходило иначе. Хабаровский Комитет Севера совместно с земотделом в конце 20-х годов дважды направлял туда экспедиции, в состав которых входили культурные работники, врачи. Привозили кино, картины, книги. Устраивали беседы, знакомили с жизнью других народностей, работали

по ликвидации безграмотности. Эти заезды оставались в памяти эвенков. «Культурные походы у нас дали начало колхозам», — вспоминали они. И действительно, они были толчком. Эвенки сами входили в имевшиеся уже русские колхозы и организовывали свои. Значительную роль в свое время сыграло и наличие эвенков в районном руководстве. В тогском колхозе с первого дня строительства на стене правления висит разработанный план культурного поселка, который строился в течение всех лет существования, и по ряду отдельных видов хозяйства строительство вышло за рамки плана. В 1947 г. колхозники с гордостью говорили об оборудованном под школу доме. Этот колхоз находился в 60 км от районного центра и с последним всегда была регулярная связь. В письме от декабря 1947 г. мне сообщили о радиопередачах, налаженных из района специально для эвенкийских колхозов. Послушать радио набирается полный клуб. В этом, как и в ираканском колхозе, нет ни одной семьи русских. Эвенки, двадцать лет назад не говорившие по-русски и не представлявшие, как можно жить в доме, за эти годы не только научились жить в доме, но стали жить культурно, научились готовить различные блюда нашей кухни, а самое главное — научились заботливо относиться к своему жилью и колхозному хозяйству. Во время моего там пребывания все дома готовились к зиме: внутри штукатурили, белили, подправляли зимние рамы, заваленки. Этот колхоз показал, что охотники тайги могут проявлять инициативу и при умелом руководстве неплохо справляются с переходом на оседлый образ жизни, сочетая разные виды хозяйства. Зимой 1947 г. решено было не выпускать женщин на охоту, которой собирались заниматься только мужчины. В бригадах, находящихся в тайге, на зиму также должны были остаться одни мужчины. Та же картина и в ираканском колхозе «Светлый луч», находящемся на расстоянии 200 км от районного центра. Большое значение в развитии этих колхозов имели постоянное партийное руководство района и тесная связь между колхозами, в которых жили эвенки, что, естественно, приводило к обмену опытом.

В Кур-Урмийском районе эвенкийские колхозы начали строиться с конца 20-х годов. Здесь переход на оседлость облегчался уже имевшимся опытом. В колхоз вначале вошли эвенки, жившие оседло. С 30-х годов вступили и оленные. Эвенки сами выбрали место поселка Талакан, сами по имевшимся уже образцам стали строить себе дома. Последние несколько напоминали корьевое жилище: над ямой, которая должна была быть подпольем, ставили сруб в 4—5 кв. м, на него настилали потолок, засыпанный землей, над которым на разной высоте ставили двускатную крышу. Дом внутри штукатурили и белили. Внутри дом не перегораживали. Это была одна комната с одним окном в каждой из трех сторон. Дом строили в огороде, выходом к проезду. Поселок не планировался. Каждый строил, где хотел. Прежнюю лавку использовали для кооператива, а для школы построили новый дом из двух комнат: одна для класса, другая для медицинского пункта.

В 1931 г. из Куканского колхоза выделились 4 хозяйства и переехали на Амгунь (в то время верховье Амгуни входило в состав Кур-Урмийского района), выбрали хорошее место, к ним присоединились эвенки, кочевавшие по верховьям Амгуни, а позже, когда верховье Амгуни отошло в Верхне-Буреинский район, в состав колхоза вошли и кочевавшие по системе Буреи. В устройстве амгунского поселка они проявили свои вкусы: в центре большой расчищенной площади были построены общественные дома: сельский совет, клуб, школа, медицинский пункт, а вокруг на значительном расстоянии колхозники поставили свои домики, выходом к площади, лицевой стороной в огород.

Огородничество также для многих было не ново, и только эвенки, кочевавшие с оленями, первые годы выбрасывали картофель, приходившийся им за трудодни. Но и эти привыкли к овощам.

Ввиду того, что условия лета в этих районах резко отличаются от условий северной тайги, летняя жизнь колхозников переносится в огород, где устроены спальня и кухня. Спят в корьевом жилище «угдане», а там, где нет коры, устраивают из дощечек такой же формы жилище, некоторые еще снаружи обмазывают его глиной. Кухня — у одних навес над железной или чугунной плиткой, у других — второй корьевого шалаш с большим количеством щелей для сквозняка. Кто-то из эвенков усовершенствовал свой «угдан» из дощечек, приделав к нему дверь и вставив в одной стене окно. В амгунском колхозе некоторые «угданы» служили летом жилым домом, в котором и спали и пищу готовили.

Все колхозы, за исключением двух, охотничье-оленоводческие. Охота на мясного и пушного зверя и использование оленя для грузоперевосков дают колхозам основные статьи дохода. Доходы от других занятий по колхозам варьируют. К второстепенным занятиям относятся древо- и сенозаготовки, заготовки орехов, ягод; заготовка рыбы во всех колхозах, за исключением амгунского, имеет небольшое значение; в отдельных (например Зейско-Учурские) некоторое значение имеет продажа картофеля и продажа изделий из шкур диких животных и оленей.

В Урмийском колхозе грузоперевоска теперь совершается летом на батах — долбленных лодках (товары поднимают на шестах), зимою — на лошадях.

В заключение можно сказать, что жизнь эвенков за последние 15 лет резко изменилась. В целом, я бы сказала, эвенки — охотники глухой и ранее необжитой тайги, с бытом, привычками и представлениями, зачастую уходящими в глубокую древность, не пассивно, а творчески справились со всем новым, что принесла в тайгу революция. Они показали, что умеют строить новую социалистическую жизнь не хуже других народностей Сибири. Соцсоревнование, ударничество, перевыполнение плана стали обычным явлением. Женщины работают во всех областях наравне с мужчинами.

Материалы, собранные экспедицией, довольно велики и требуют специальной обработки. Они относятся не только к жизни и экономике колхозов, но и к старому быту, к прежним представлениям, а также к языку и фольклору. В ряде случаев удалось записать еще никем не отмеченные обряды и элементы культуры. Тексты сказаний дают много интересных исторических сведений.